

Это заставило Цзи Шунуань окончательно вздохнуть с облегчением. Она заново вымыла полотенце, просто протерлась им, а затем, густо покраснев, аккуратно привела в порядок сокровенное место. Впервые касаясь этой зоны, та крошечная вещица в ее руке слегка дрогнула. Цзи Шунуань не осмеливалась прикасаться дольше необходимого: убедившись, что все тщательно вытерто, она тут же разжала пальцы, надела свежие панталоны и набросила поверх нижнюю рубашку. Теперь все недавние выпуклости и вовсе скрылись из виду.

Закончив с этим, Цзи Шунуань почистила зубы и легла в постель. Вскоре вернулась задержавшаяся где-то Вэнь Сяньцю. Видимо, она ходила мыться в другое место: ее волосы еще сохраняли влагу, зато руки покраснели совершенно неестественным образом. Краснота выглядела так, будто их слишком усердно терли, буквально разжев мыльным деревом. Заметив, что Вэнь Сяньцю стоит у края кровати и смотрит на нее, Цзи Шунуань только сейчас вспомнила, что они теперь женаты и, разумеется, должны спать вместе. Если родители обнаружат, что они спят в разных комнатах, еще неизвестно, к какому скандалу это приведет.

— Ты вернулась? Тогда давай ложиться спать пораньше, — тихо произнесла Цзи Шунуань, после чего отодвинулась ближе к стенке и поделилась с женой большей частью своего одеяла. Увидев ее движения, Вэнь Сяньцю тихонько угукнула, опустив голову, затем сняла верхнее платье и легла в постель в одной нижней рубашке. Цзи Шунуань не смела разглядывать ее слишком долго, заметив лишь, что нижняя рубашка жены на вид была удивительно плотной, словно та надела ее в два слоя.

— Жена, спокойной ночи, — промолвила Вэнь Сяньцю и, больше не произнеся ни слова, тихо сложила руки на груди. Цзи Шунуань лежала на другой стороне, вытянувшись во весь рост, точно покойница. По ее прикидкам, сейчас было едва ли часов семь вечера по меркам ее прежнего мира. В такое время она обычно выпивала бокал вина, выкуривала освежающую мятную сигарету, а затем, если приходило вдохновение, продолжала работать над эскизами, либо садилась в машину и отправлялась прокатиться.

У Цзи Шунуань не было привычки засиживаться за полночь, однако в часы вдохновения она запросто могла не смыкать глаз всю ночь. Обычный же режим предполагал отход ко сну в десять часов вечера, а вот лечь спать в семь — такое случалось крайне редко. Иначе говоря, в ее прежнем мире не нашлось бы ни единого человека моложе тридцати лет, кто укладывался бы в постель в семь вечера. Цзи Шунуань лежала с широко открытыми глазами, тупо глядя в потолок, и вскоре поняла, что уснуть ей мешает не только непривычное время, но и куда более серьезная проблема — находившаяся рядом Вэнь Сяньцю. Сейчас они лежали совсем близко друг к другу, под одним-единственным одеялом, соприкасаясь даже плечами. Вокруг витал естественный аромат Вэньюаня, принадлежавший Вэнь Сяньцю. Этот запах цэланьских орхидей в тишине ночи стал еще гуще и настойчиво проникал в нос.

Цзи Шунуань чувствовала, как кожа на затылке возле железы раскалилась донельзя, а по всему телу разлился странный, томительный жар. Цзи Шунуань от природы не отличалась повышенной страстностью, и ей впервые довелось испытать столь мучительное изнурение от пробудившихся желаний. Она закусила губу, чувствуя себя обиженной и несчастной: мысленно ей хотелось перестать вдыхать аромат Вэнь Сяньцю, но тело, поступая наперекор рассудку, жадно впитывало чужой запах. Мысленно выругавшись от досады, Цзи Шунуань решительно повернулась лицом к стене и сжалась в комочек у самого края. Стоило телу коснуться прохладной поверхности стены, как внутренний жар немного утих. Цзи Шунуань понятия не

имела, сколько еще пролежала в полном сознании, и заснула лишь глубокой ночью из-за страшной усталости и нервного напряжения.

Цзи Шунуань спала крепким сном. Как только раздалось ее ровное дыхание, до этого неподвижная Вэнь Сяньцю внезапно открыла глаза. Она скосила голову, и ее казавшиеся мрачными в ночной темноте зрачки уставились в спину Цзи Шунуань. Лицо женщины оставалось совершенно беспристрастным: в нем не было ни дневной мягкости, ни застенчивости.

Она молча и беззвучно смотрела на спину Цзи Шунуань. Ее глаза тонули в непроглядной темноте ночи, пустые и бездонные, словно из них выскребли зрачки, и даже белки казались почерневшими. В этом взгляде таилось нечто жуткое и неестественное — ничто человеческое, ни злоба, ни ненависть не отражались в нем, лишь странная, леденящая душу тишина, опустившаяся на плечо Цзи Шунуань. Из горла Вэнь Сяньцю вырвался приглушенный смешок, но если присмотреться к ее лицу, черты не дрожали. Ее губы были сомкнуты, глаза застыли неподвижно, и лишь горло вздымалось в судорогах, издавая хриплый звук, похожий на смех, но явно принадлежавший кому-то другому. В комнате неожиданно повеяло холодом. Цзи Шунуань потянула на себя край одеяла, забирая у Вэнь Сяньцю ее долю и плотно укутываясь в нее. Вдруг из темноты протянулась мертвенно-бледная рука, целясь Цзи Шунуань в затылок, но прямо перед самым касанием медленно отпрянула назад.

Сяо Дун, где Вэнь Сяньцю? — рано утром Цзи Шунуань поднялась с постели, просто умылась и, глядя на стоявшую в стороне служанку, тихо задала вопрос. Шел уже третий день ее пребывания в этом мире, и она в общих чертах привыкла к здешней жизни. Вчера во второй половине дня родители Цзи собрались и уехали на Юг. На Южной стороне как раз открылась новая лавка, и старики давно планировали перебраться туда, но поездка затянулась из-за свадьбы прежней хозяйки тела, а затем из-за ранения Цзи Шунуань. Накануне перед отъездом оба пожилых человека специально заходили навестить Цзи Шунуань и Вэнь Сяньцю, поручив часть домашних дел Вэнь Сяньцю и старому управляющему. Управляющий по фамилии Чжан был хэшэном и служил в доме главы Цзи уже более трех десятилетий. Доверив управление домом ему и Вэнь Сяньцю, родители Цзи, разумеется, могли уехать со спокойной душой.

С их отъездом Цзи Шунуань даже почувствовала облегчение. В конце концов, от прежней владелицы ей досталась лишь оболочка, а характер изменился кардинально. Раз старики уехали, ей больше не нужно было бояться разоблачения и каждый день дрожать от страха перед их глазами, так что стало намного проще.

Едва встав с постели, Цзи Шунуань не обнаружила Вэнь Сяньцю на месте. Обычно та всегда ждала ее, чтобы вместе позавтракать, но нынче супруга куда-то запропастилась. Поразмыслив над днями, проведенными вместе, Цзи Шунуань пришла к выводу, что Вэнь Сяньцю — на редкость хорошая женщина: внешность и манеры выше всяких похвал, да и нрав на редкость покладистый. И чем лучше вела себя Вэнь Сяньцю, тем отчетливее Цзи Шунуань понимала, какой же мерзавкой была прежняя хозяйка.

— Госпожа, вторая госпожа с самого утра занята сборами, сегодня же день ее визита к родителям, — осторожно ответила Сяо Цуй, услышав вопрос Цзи Шунуань. Она была служанкой, которую Вэнь Сяньцю купила всего два дня назад, и еще до прихода в усадьбу

наслышалась о том, что старшая барышня из семьи Цзи — законченная шалопайка. Та целыми днями просаживала деньги в пьянках и гулянках, околачиваясь по борделям и веселым домам. И хотя после женитьбы она на пару дней притихла, о ее скверных выходках знал весь город.

Услышав поначалу, что Вэнь Сяньцю покупает ее для службы в семье Цзи, Сяо Цуй охватил страх и ужас. Она знала, что прислуживать в доме Цзи — значит неизбежно столкнуться с Цзи Шунуань и в любой момент расстаться с жизнью по малейшему пустяку. Однако дома отчаянно требовались деньги: отцу и матери нужны были серебро на лекаря и еда, запасы которой почти иссякли. Сяо Цуй не хотела умирать с голоду, к тому же Семья Цзи предлагала щедрое жалованье, так что она решила рискнуть и поступила в служанки.

<http://bllate.org/book/24913/2948083>